

Гомон Андрей Михайлович

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры украинского, русского языков и прикладной лингвистики
Национальный технический университет
«Харьковский политехнический институт»*

Gomon Andrey

*PhD of Philology, Associate Professor of the
Department of Ukrainian, Russian Languages and Applied Linguistics
National Technical University
«Kharkiv Polytechnic Institute»*

Сухоруков Виктор Анатольевич

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры украинского, русского языков и прикладной лингвистики
Национальный технический университет
«Харьковский политехнический институт»*

Sukhorukov Victor

*PhD of Philology, Associate Professor of the
Department of Ukrainian, Russian Languages and Applied Linguistics
National Technical University
«Kharkiv Polytechnic Institute»*

Заверющенко Николай Петрович

*старший преподаватель кафедры украинского, русского языков
и прикладной лингвистики
Национальный технический университет
«Харьковский политехнический институт»*

Zaveryuschenko Nikolay

*Senior Lecturer of the Department of Ukrainian,
Russian Languages and Applied Linguistics
National Technical University
«Kharkiv Polytechnic Institute»*

Дьяченко Елена Валерьевна

*преподаватель кафедры украинского, русского языков и прикладной лингвистики
Национальный технический университет
«Харьковский политехнический институт»*

Dyachenko Elena

*Lecturer of the Department of Ukrainian, Russian Languages and Applied Linguistics
National Technical University
«Kharkiv Polytechnic Institute»*

**«СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТ»: ИДЕЯ СВЕРХЧЕЛОВЕКА Ф. НИЦШЕ
В «РАССКАЗЕ О СЕРГЕЕ ПЕТРОВИЧЕ» (1900) ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА**

**«BAD ANECDOTE»: IDEA OF SUPERMAN F. NITZSCHE
IN «STORY ABOUT SERGEY PETROVICH» (1900) BY LEONID ANDREEV**

Аннотация. В статье впервые осуществлен анализ известного произведения Леонида Андреева «Рассказ о Сергее Петровиче» в смеховом аспекте. Предложена оригинальная иронико-парадоксальная трактовка произведения как «скверного анекдота» об излишне впечатлительном и недалеком читателе Ницше, смешном студенте, — трагикомической «жертве» Ницше и его «книги для всех и ни для кого».

Ключевые слова: Ницше, смех, сверхчеловек, анекдот, ирония, гротеск, трагикомизм.

Summary. The article analyzes for the first time the famous work of Leonid Andreev «The Story of Sergey Petrovich» in a laughable aspect. An original ironic-paradoxical interpretation of the work as a «bad anecdote» about the overly impressionable and not-so-distant reader Nietzsche, a ridiculous student — the tragicomic «victim» of Nietzsche and his «book for all and for no one» is proposed.

Key words: Nietzsche, laughter, superman, anecdote, irony, grotesque, tragicomism.

Леонид Николаевич Андреев, в начале XX века «самый интересный писатель Европы и Америки» (М. Горький), и сегодня, во многом, «непрочитанный» писатель. Об Андрееве написано многое множество, но, несмотря на то, что библиография «Андреевианы» насчитывает более двух тысяч названий (и это далеко не все, конечно), мы все же имеем полное основание утверждать, что Леонид Андреев еще до конца не изучен.

В прозе начала 1900-х годов писатель продолжает развенчивать современных претендентов в сверхчеловеки. Начатая «Рассказом о Сергее Петровиче» (1900), эта тема станет сквозной на протяжении всего последующего творчества Андреева, ведущего полемику с идеями Ф. Ницше, оказавшего на начинающего писателя значительное влияние и смерть которого в 1900 году он воспринял почти как личную утрату.

Уже современники писателя отмечали близость Андреева к Ф. Ницше, — «родной брат Ницше» по духу, «по склонности к постановке основных, самых главных проблем бытия, по какой-то болезненной любви к самым загадочным, казалось бы, неразрешимым тайнам жизни» (Н. Инбер) [2, с. 661]. На многочисленные параллели и переклички Андреева с творчеством этого философа справедливо указывают исследователи О. Бургхардт [7; 8] и Т. Вологодина [3]. Сам писатель считал «Рассказ...» наиболее значительным из своих ранних сочинений. По точному отзыву В. Стасова, «...в России так никто из авторов не писал и не думал» [5, с. 602]. В основу произведения положено действительное событие: самоубийство товарища Андреева по университету, студента-естественника, орловца Григория Петровича Третьякова (1872–1896).

«Рассказ о Сергее Петровиче» (1900), который обычно интерпретируется исследователями как один из первых опытов формирования в прозе Андреева жанра повести «потока сознания» [4, с. 91], в определенной степени может быть прочитан и в смеховом аспекте. Это произведение можно интерпретировать как анекдот о плохом (излишне впечатлительном и недалеком) читателе Ницше («Что ему книга последняя скажет, / То на душе его сверху и ляжет» (Н. Некрасов)). Такое истолкование основывается

на восприятии образа главного героя как *гротесково* совместившего в себе *неузнанного «пророка-индивидуалиста»*, добровольно принявшего мученическую смерть за «новую веру», и *смешного студента*, — *трагикомическую «жертву»* Ницше и его «книги для всех и ни для кого».

В «Рассказе о Сергее Петровиче» именно *смех* оказывается значительным *мотивным импульсом* мыслей и поступков героя и звучит в произведении почти непрерывно. Такой органический сплав *смеха и трагизма* был закономерным результатом развития тенденции, обозначенной еще в самой ранней прозе писателя и позже продолженной в зрелой. Если над Василием Фивейским «тяготел суровый и загадочный Рок» [1, с. 489], то над всей жизнью Сергея Петровича тяготеет почти такой же всесильный и убийственный *Смех* (ср. с легендарным Заратустрой, который, согласно легенде, при рождении не заплакал, а *засмеялся*). Практически все, связанное с Сергеем Петровичем, окружено незримым ореолом смеха, что сближает его с *анекдотическим* героем.

Для повествователя, воссоздающего процесс самосознания и подсознания героя, Сергей Петрович — «неумен и некрасив» [1, с. 227]. «Маленький человек» начала XX века, предстает в «Рассказе...» как объект наблюдения под *смеховым* углом зрения. «Гений посредственности» и бесхарактерности, он, по сути, является носителем акцентуированно-иронических, шаржированно-характеристических черт внешности, стиля поведения и образа мышления. *Анекдотичность* персонажа «задается» также и мотивом *отчуждения*, едва уловимого, *иронического «остранения»* героя в его индивидуально-смеховой курьезности.

Как уже говорилось, *смех* постоянно и неотступно сопровождает Сергея Петровича *на всем жизненном пути*. Так, в гимназии учителя над ним *иронизируют*, называя «бестолочью смоленской и могилевской». Это прозвище даже «стало нарицательным для всякого *тупого* ученика» [1, с. 227]. Впрочем, в Сергее Петровиче нет «*ничего* такого, на что можно было бы привесить *остроумную* кличку» [1, с. 227]. В университете товарищи-студенты тоже не воспринимают Сергея Петровича всерьез: «никто никогда не обращался к нему с серьезным вопросом

и разговором, а всегда *с шуткою*» [1, с. 227]. Сергей Петрович «пытался сделать, сказать или написать что-нибудь умное, но, *кроме смеха*, ничего из этого не выходило» [1, с. 227]. Даже его «первый в жизни любовный роман» — «*очень смешной* для всех окружающих» [1, с. 230]. Сергей Петрович постоянно чувствует себя живущим «среди моря враждебности и *насмешки*» и даже привыкает к тому, что над ним постоянно смеются.

Нелепой, по сути, является и «странная» для окружающих дружба между Сергеем Петровичем и «самым умным» студентом Новиковым: «они стали думать, что самолюбивый и тщеславный Новиков хочет иметь при себе зеркало, в котором отражался бы его блестящий ум, и *смеялись* тому, что зеркало он выбрал такое кривое и дешевое» [1, с. 231]. Это предположение товарищей позже найдет косвенное подтверждение. Высланный из Москвы в Смоленск, Новиков легко забывает своего «друга» и находит для себя новое «зеркало» в лице одного «из своих приятелей, которого он водил за собою по трактирам» [1, с. 238]. Новиков рассказывает новому «другу» (*в духе анекдота*) о *смешном* Сергее Петровиче, о его письме к нему (оставшемся без ответа) и о Ницше. При этом Новиков «*смеялся* над Ницше, который так любил сильных, а делается проповедником для *нищих духом и слабых*» [1, с. 238].

Таким образом, *смех* окружающих, пронизывающий все бытие героя, убивает в нем «волю к жизни». Пытаясь выйти за пределы отведенной ему судьбой роли нелепого и ординарного человека, Сергей Петрович временно находит иллюзорное спасение в попытке мучительного самопознания и примеривания к себе роли сверхчеловека, который «владеет всеми сокровищами мира». «В учении Ницше Сергея Петровича больше всего поразила *идея сверхчеловека* и все то, что говорил Ницше о *сильных, свободных и смелых духом*» [1, с. 226, 228]. В итоге он достигает прямо противоположного: «И всю его душу охватил стыд и глухой гнев человека, который долго не понимал, что *над ним смеются*, и, обернувшись, увидел оскаленные зубы и протянутые пальцы» [1, с. 237]. Ницше открывает ему его истинную суть и недоступность роли сверхчеловека.

Сама попытка сыграть роль сверхчеловека выглядит *смехотворной, жалкой и нелепой* (ср. «Город» (1902), «Оригинальный человек» (1902)): «Однажды студенты поехали большой компанией к женщинам и встретили там Сергея Петровича, и, что было удивительно, *совершенно трезвого*. Как и раньше, он краснел, когда *над ним стали шутить*, и когда выпил, то пел и говорил заплетающимся языком о *каком-то Заратустре*. Кончилось тем, что он стал плакать, а потом буяннить, назвал *всех их идиотами, а себя сверхчеловеком*. После этого случая, над которым *много смеялись*, Сергея Петровича на некоторое время совсем утеряти из виду» [1, с. 234]. В то же время бунт против смеха над собой у Сергея

Петровича сочетается с бунтом против культа всеобщей полезности, царящем в мире.

Задумав самоубийство («раз нельзя победить — нужно умереть» [1, с. 244], и решая для себя дилемму: самоубийство — сила или слабость?), Сергей Петрович вначале отказывается от мысли убить себя. Герой испытывает страшное раздвоение личности: с одной стороны, он — последовательный нищепанец, с другой — обычный человек, в котором «слишком человеческое» вроде бы одерживает верх над «сверхчеловеческим». Сергей Петрович сам для себя становится объектом *насмешливого* самонаблюдения, который, ради преодоления этого *смеха над самим собой*, должен самореализоваться в идее (субъекте выбора), — в самоубийстве (ср. «Бесы» (1872) Достоевского, а также «Подпрапорщик Гололобов» (1902) и «У последней черты» (1912) М. Арцыбашева).

Убивая себя, Сергей Петрович, с одной стороны, чувствует себя «победителем» и испытывает «*радость торжества* смелого духа над слепой и деспотической материей» [1, с. 250], с другой — это мнимая победа. По справедливому наблюдению С. Ясенского, в ««Рассказе...» взбунтовавшийся мозг предстает *демоническим* началом, пожирающим человека и, как Дьявол, *глумящимся* втайне над ним» [6, с. 185].

Последнее косвенно подтверждается и двусмысленным финалом повествования, в котором *ирония* сопровождается *трагизмом*, а в трагедии проглядывает *смеховое* начало: «раствор яда оказался приготовленным неумелыми руками и слабым», и Сергей Петрович «скончался только к вечеру». Его предсмертное письмо к Новикову «на клочке бумаги, оказавшемся счетом от прачки», было воспринято как «горделивый и беспорядочный *бред мании величия*», в гробу «Сергей Петрович был очень нехорош и даже страшен и мог произвести тяжелое впечатление» [1, с. 251].

Таким образом, *трагедийность* повествования в «Рассказе о Сергее Петровиче» парадоксально оборачивается *грустным анекдотом* на тему некоммуникабельности, о том, «как *скверно* действует на молодых людей *одиночество*» [1, с. 245], и в то же время *трагикомической притчей* об ищущей и жаждущей чего-то «высшего» одинокой душе современного человека. Весь *трагикомизм* положения Сергея Петровича заключается в том, что *он вовсе не сверхчеловек*, за которого себя считает, его «волевой» поступок не достигает цели и не освобождает, а только окончательно развенчивает, делает несчастным и приводит к гибели.

Впервые затронув проблему нищепанства с его культом сверхчеловека, Андреев в «Рассказе...» выразил (хотя и не совсем последовательно) свое отношение к ней, не принимая всерьез *никакой* сверхчеловеческой мотивированности личности и *осмеивая* эти претензии как *мнимо* сверхличные.

Литература

1. Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. 639 с.
2. Боева Г. Н. «Мои записки»: комментарии / Андреев Л. Н. Полн. собр. соч. и писем: в 23-х т. М.: Наука, 2013. Т. 6. С. 653–680.
3. Вологодина Т. Л. Философский контекст прозы Л. Андреева: параллели и созвучия с идеями А. Шопенгауэра и Ф. Ницше: дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс, 2004. 197 с.
4. Московкина И. И. Между «pro» и «contra»: координаты художественного мира Леонида Андреева: монография. Х.: ХНУ им. В. А. Каразина, 2005. 288 с.
5. Чуваков В. Н. Комментарии / Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 581–637.
6. Ясенский С. Ю. Искусство психологического анализа в творчестве Ф. М. Достоевского и Л. Н. Андреева. Достоевский: материалы и исследования. СПб., 1994. Т. 11. С. 156–187.
7. Burghardt O. Gemeinsame Motive bei Leonid Andrejev und Nietzsche: Teil 1. Zeitschrift fur slavische Philologie. 1941. № 17. S. 353–372.
8. Burghardt O. Gemeinsame Motive bei Leonid Andrejev und Nietzsche: Teil 2. Zeitschrift fur slavische Philologie. 1942. № 18. S. 1–18.